

UNIVERSITÀ
DEGLI STUDI
DI UDINE

Università degli studi di Udine

«НА ТЕРРИТОРИИ СУМЕРЕК»: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ТЕКСТАХ САШИ
СОКОЛОВА

Original

Availability:

This version is available <http://hdl.handle.net/11390/1151261> since 2019-06-23T13:15:39Z

Publisher:

Eötvös Loránd University Faculty of Humanities Institute of Slavonic and Baltic Philology

Published

DOI:

Terms of use:

The institutional repository of the University of Udine (<http://air.uniud.it>) is provided by ARIC services. The aim is to enable open access to all the world.

Publisher copyright

(Article begins on next page)

Fiatall Szlavisták Budapesti Nemzetközi Konferenciája VII.

7th Conference for Young Slavists in Budapest

Eötvös Loránd Tudományegyetem
Bölcsészettudományi Kar
Szláv és Balti Filológiai Intézet

Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities
Institute of Slavonic and Baltic Philology

Budapest, 2019

Fiatal Szlavisták Budapesti Nemzetközi Konferenciája VII.

7th Conference for Young Slavists in Budapest
(held on 11th May 2017)

Főszerkesztő/ Editor-in-chief:
Dr. Urkom Aleksander

A szerkesztő munkatársai/ Associate editors:
Rágyanszki György
Hamsovszki Júlia

Technikai szerkesztő/ Technical editor:
Katona Éva

Bírálok/ Reviewers:
Dr. Császári Éva
Dr. Dudás Előd
Dr. Dudás Mária
Dr. Fedoszov Oleg
Dr. Jakovljević Dragan
Dr. Janiec-Nyitrai Agnieszka
Dr. Janurik Szabolcs
Dr. Lebovics Viktória
Dr. Pálosi Ildikó
Dr. Pátrovics Péter
Rágyanszki György
Iga Kolasíńska
Dr. Urkom Aleksander
Dr. Várnai Dorota
Kocsis Adrienn
Zoltán Dominika

Felelős kiadó/ Publisher:
Prof. Dr. Lukács István

ISBN 978-963-284-988-1

TARTALOMJEGYZÉK/ CONTENTS

АНЕЛИЯ БАЙГЪНОВА	6
ПЕРЦЕПТИВНИ ПРЕДИКАТИ ЗА ИЗРАЗЯВАНЕ НА ЕМОЦИЯ В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК	
JUSTYNA WAJ	10
NAUCZANIE POPRZEZ CNOTĘ –KILKA SŁÓW NA TEMAT WYCHOWANIA I WIEDZY W PISMACH STANISŁAWA KONARSKIEGO	
ANDREA BALHAROVÁ	13
FILOZOFICKO-PSYCHOLOGICKÝ ROZMĚR ŽIVOTA A SMRTI V ČESKÝCH A POLSKÝCH POKÁDĀCH A POVĚSTECH	
PERLA BARTALOŠOVÁ	17
PREJAVY JAZYKOVÉHO AGEIZMU V KOMUNIKÁCIÍ MLÁDEŽE SO SENIORMI	
JOANNA BRODNIEWICZ	20
„JÁ JSEM JAKO TA STARÁ VOJENSKÁ KOBYLA, KTERÁ UŽ LEŽÍ A SKORO DODĚLÁVÁ, ALE KDYŽ USLYŠÍ HLAS BUBNU, TAK SE ZASE ZVEDNE A TÁHNE DÁL” – DZIAŁALNOŚĆ RŹENY VACKOVEJ (1948–1977)	
KAMILA BYRTEK	23
„BYĆ CZŁOWIEKIEM W DRODZE”, CZYLI POETYCKIE PEREGRINATIO VITAE JACKA PODSIADŁY	
LECH CERAN	27
СКОПСКАТА КНИЖОВНА ШКОЛА ИЛИ ЕЗИКОВО-ПОЛИТИЧЕСКИЯТ ГЕНЕЗИС НА КОДИФИКАЦИЯТА НА МАКЕДОНСКИЯ СТАНДАРТЕН ЕЗИК ПРЕЗ ХХ ВЕК	
LUCIA ČENDULOVÁ	30
THE STATUS OF THE TRANSLATION OF RUSSIAN LITERATURE IN SLOVAK CULTURAL SPACE	
ВАЛЕРІЯ ЧЕРНАК	33
БІЛІНГВІЗМ ТА МІЖМОВНА ІНТЕРФЕРЕНЦІЯ СЛОВАЦЬКО-УКРАЇНСЬКИХ МОВЦІВ НА СХОДІ СЛОВАЧЧИНИ	
NADIA CZACHOWSKA	37
RYTUAEY NACIONALIZMU BOSZNIACKIEGO NA PRZYKŁADZIE OBCHODÓW UPAMIĘTNIAJĄCYCH MASAKRĘ W SREBRENICY	
GRZEGORZ DĄBROWSKI	40
"DO PRACY NAJLEPIEJ ORZEŻWIA I WZMACNIA PIWO" - ROLA ALKOHOŁU W PRL	
MICHAŁ DĘBICKI	42
POLITYCZNA ROLA KRÓLOWEJ LUDWIKI MARII GONZAGI W OPINII WYBRANYCH OPOZYCYJONISTÓW I REGALISTÓW LAT 1661-1667	
ELIŠKA GUNIŠOVÁ	45
ROMÁN KLĪATVA A JEHO MIESTO V TVORIVOM PROFILE T. VANSOVEJ	
KATALIN GYŐRI	48
ОСОБЛИВОСТІ ХУДОЖНЬОГО ПЕРЕКЛАДУ З ЯПОНСЬКОЇ МОВИ	
MARTINA HRABOVSKÁ	51
ŠTYLIZÁCIA V TANEČNOM FOLKLORIZME – PROJEKT DIZERTAČNEJ PRÁCE	
ЉUBICA HRONCOVÁ	54
ASPEKTY PRIESTORU MESTA A JEHO SPOLOČENSKÝ OBRAZ V PRÓZE J. P. TOMÁŠKA <i>OBCHODNÍCI</i>	
JAKUB JARINA	57
GLIMPSES OF UTOPIA IN MODERN CZECH LITERATURE	
ДЕНИЦА КАЛЧЕВА	60
ГЛАГОЛИ ЗА СЛУХОВО ВЪЗПРИЯТИЕ С КОГНИТИВНО ЗНАЧЕНИЕ В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК	
OLIWIA KASPRZYK	62

MIROSLAVA KITKOVÁ	66
DEMINUTÍVA V SPISOVNEJ SLOVENČINE A POĽŠTINE	
ŠTĚPÁN KLÁSEK	69
ТОПОС ЖЕЛЕЗНИЧНИГО НАДРАЖІ В ЧЕСКÉ ПРОЗЕ 20. STOLETÍ	
НЕНАД КРЦИЋ	72
КОМПОНЕНЦИЈАЛНА АНАЛИЗА ГЛАГОЛСКИХ ХИПОНИМА У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ	
PŘEMYSL KREJČÍK	75
PODOBY ČESKÉ DYSTOPIE V OBDOBÍ KOMUNISTICKÉ TOTALITY V ČESKOSLOVENSKU	
PATRYK KURZYŃSKI	79
STRONNICTWO REGALISTÓW ZYGMUNTA III WAZY W LATACH 1587 – 1606: KRZEPNIĘCIE ORAZ DZIAŁALNOŚĆ POLITYCZNA.	
PAVLÍNA KUTOVÁ	83
„NÁRODNÍ“ A „SLOVANSKÉ“ V ČESKÉ ARCHITEKTUŘE PŘED A PO ROCE 1918. LIDOVÁ KULTURA JAKO ZDROJ IDENTITY MLADÉ ČESKOSLOVENSKE REPUBLIKY	
MARTYNA LESZCZYŃSKA	87
BIBLE AS SOURCE OF CREATIVE INSPIRATION OF BLAŽE KONESKI IN ANTHOLOGY <i>VINEYARD</i> (ON THE BASIS OF CHOSEN STORIES)	
ADAM LUBOCKI	90
WERE THE HUNGARIANS SLAVIC? ETHNIC-GEOGRAPHICAL IDEAS OF POLISH MEDIEVAL CHRONICLERS	
SYLWIA MARSZAŁEK	93
AUSTRVEGR – ПРОСТРАНСТВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ В ВИКИНГСКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ «ВОСТОЧНОГО ПУТИ»	
CLAUDIA MAYR-VESELINOVIĆ	97
DEATH AND FUNERAL (CUSTOMS) IN SERBIA	
MICHAL MUDROCH	100
MYŠLIENKY SLOVANSKEJ VZÁJOMNOSTI NA STRÁNKACH AGRÁRNICKEJ TLAČE V OBDOBÍ MEDZIVOJNOVÉHO ČESKOSLOVENSKA (1918 - 1938)	
MARTINA NAPOLITANO	103
«НА ТЕРРИТОРИИ СУМЕК»: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ТЕКСТАХ САШИ СОКОЛОВА	
ADAM NIKODEM	106
REŻIM SLOBODANA MILOŠEVICIA W SERBSKIEJ MUZYCE ROZRYWKOWEJ	
HANA NELA PALKOVÁ	109
MODERNISTYCZNY TOPOS „MANEKINA“ W PROZIE BRUNONA SCHULZA I DEBORY VOGEL	
NATALIA PANAS	112
PAMIĘĆ KULTUROWA A KOBIECY Dyskurs emancypacyjny. PAMIĘTNIK TEODORY KRAJEWSKIEJ	
IZABELA POPEK	115
ANIMIZM – PIERWOTNA FORMA RELIGII CZY SPOŚÓB WYOBRAŻENIA ŚWIATA?	
MICHAŁ ROZENBERG	117
NIEKOĽKO KRITICKÝCH ÚVAH O „SLOVENSKOM“ TURČIANSKOM SVÄTOM MARTINE	
MARTINA SALHIOVÁ	123
FUNKCE VLOŽENÉ AUTORSKÉ POHÁDKY VE FANTASY TRILOGII VESELY FLAMBURARIOVÉ	
LOTTI SÁNDORFI	126
MAĐARSKI PRIMJERI I UTJECAJI U JEZIČNOJ POLITICI HRVATSKOG ILIRIZMA	

PETER SASÁK	129
Športová publicistika denníka Pravda v 50. rokoch 20. storočia	
PATRICK STARCZEWSKI	133
RAILWAY – THE DRIVING FORCE OF CHANGES IN LOWER SILESIA.	
КАТЕРИНА СТЕПАНЕНКО	136
КАЗКОВИЙ НАРАТИВ У ВІДТВОРЕННІ ЕТНІЧНОЇ КАРТИНИ СВІТУ	
KAREL STŘELEČ	139
POSTKOMUNISTICKÁ DOBA JAKO DEZILUZIVNÍ TÉMA NEJNOVĚJŠÍ ČESKÉ A RUSKÉ PRÓZY	
BARBORA SVOBODOVÁ	142
ВАґА PUBLISHING HOUSE	
ЛАНА ШАУЛА	145
ЗНАМЕНІТЕ ЖЕНЕ У ПРОСВЈЕТИ И КЊИЖЕВНОСТИ У БИХ 19. ВИЈЕКА	
LUCIE ŠTĚRBOVÁ	148
ETYMOLOGIE VYBRANÝCH NÁZVŮ ZVÍŘAT V BULHARŠTINĚ A STAROSLOVĚNŠTINĚ	
SIMONA ŠVANDOVÁ	151
ЖЕНА АКО МЕТАФОРА ДОБУ СПОЛОЧЕНСЬКИХ ЗМІЕН НА ПРЕЛОМЕ СТОРОЧІ	
SYLWIA SZAREJKO	154
INSTYTUT KULTURY POLSKIEJ ATTILIO BEGEY’A – PROPOLSKA DZIAŁALNOŚĆ W TURYNIE	
SZABINA SZATMÁRI	157
ПОРІВНЯННЯ ДВОХ УКРАЇНСЬКИХ ПЕРЕКЛАДІВ ВІРШУ ШАНДОРА ПЕТЕФІ «НА FÉRFI VAGY, LÉGY FÉRFI (КОЛИ ТИ МУЖ, БУДЬ МУЖНИМ...)»	
EKATERINA TASHIREVA	160
К ИСТОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ «МУЧЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СЛОВА МУКА, МУЧЕНИЕ, МУЧИТЬСЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XX в.)	
АЛЕКСАНДРА ТОМИЋ	163
ТЕСТОВИ У НАСТАВИ СРПСКОГ ЈЕЗИКА КАО СТРАНОГ НА МАГИСТАРСКИМ СТУДИЈАМА	
IWONA TUSK	167
THE GOALS OF THE KASHUBIAN REGIONAL GROUP DEFINED IN SELECTED ARTICLES IN THE NEWSPAPER “GRYF” DURING THE YEARS 1908–1909	
PIOTR WOJNAROWICZ	170
SYTUACJA GEOPOLITYCZNA EUROPY I BASENU MORZA ŚRÓDZIEMNEGO W DRUGIEJ POŁOWIE XI WIEKU – PRZYCZYNY ZAINICJOWANIA WYPRAW KRZYŻOWYCH	
MICHAŁ ZBOROWSKI	173
JUSTYNIAN I TEODORA, CZY TEODORA I JUSTYNIAN?	

MARTINA NAPOLITANO

Università degli Studi di Udine – Università degli Studi di Trieste, Udine, Italy
napolitano.martina@spes.uniud.it

«НА ТЕРРИТОРИИ СУМЕРЕК»: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ТЕКСТАХ САШИ СОКОЛОВА

Literary texts provide readers with impressions and emotions; they attract or repulse. Russian formalists successfully advanced the idea that the value of art lies in the capacity to make the stone “stony” (that is to say, “ostranenie”, estrangement). Structuralism (especially Culler’s works) and reader response theories stressed finally the issue of “literary competence”, introduced the concept of the “implied reader” and therefore shed light on the receptive element aroused in the dialogical experience of reading a text. The novels and the so-called “proezii” by Russian contemporary writer Sasha Sokolov leave the reader with an overwhelming sense of indeterminacy. Borrowing tools from text linguistics we aim at analyzing and explaining the way this sense of indeterminacy is achieved in Sokolov’s texts.

Key words: Text linguistics; indeterminacy; Sasha Sokolov

Перед тем как передать определенные смысловые или идейные содержания, каждое литературное произведение возбуждает у читателя особенные реакции, эмоции, ощущения. Именно в этом лежит так называемая «литературность» текста. Русские формалисты успешно внесли в мета-литературный дискурс некоторые базовые конструктивные принципы, помогающие проанализировать и оценить механизмы построения текста. Понятия *остранения* и *доминанты* особенно удачные концепции в этом отношении. Так как остранение является всеобщим приемом, характеризующим художественный текст и поэтический язык, свойство эпатировать ожидания читателя, бросать вызов стандартному читательскому восприятию становится центральным, ключевым. В этом смысле такой текст расширяет читательские «горизонты ожидания» (Jauss 1977), открывая свой *singularity* (Attridge 2004). Однако, если с одной стороны все художественные тексты объединяются таким свойством, они сами по себе отличаются между собой, представляя отдельные характеристики и на содержательном и на стилистически-лингвистическом уровне. Общие ощущения, возбужденные текстом, можно определить как «доминанту» данного текста.

Литературоведение последнего полувека все больше переориентируется на теории рецепции; интересы и анализы обратились к вопросу читателя, к его активной роли при чтении, так как ему приходится постоянно заполнять текстовые *gaps* (Iser 1972).

Чем более текст трудный, экспериментальный, авангардный, тем сильнее он вызывает читателя принять активную роль в его интерпретации. И здесь мы приходим к творчеству Саши Соколова. Творчество Саши Соколова занимает особое место в широком поле так называемого русского постмодернизма. В отличие от других знаменитых постмодернистских авторов, таких как Сорокин, например, Соколов не переворачивает и не разрушает состав окружающего мира прямым смыслом, прямыми словами, не играет и не насмехается над реалиями и символами советского быта, а продолжает – все-таки неосознанно, так как не раз сам Соколов подчеркивал, что не был с ней знаком перед эмиграцией – «набоковскую» линию повествования. В центре его творчества находится язык, богатый и могучий русский язык, которым он не только пользуется, а который он перерабатывает. Эстетизм, любовь звука и красоты речи, сложность уровней интерпретаций отличают творчество Соколова, которое становится не прямо доступным для всякого читателя. Язык у него создает мир, персонажей, реальность. Вот, например, как образ преподавательницы Веты Акатовой появляется в *Школе для дураков*:

«Это пятая зона, стоимость билета тридцать пять копеек, поезд идет час двадцать, северная *ветка*, *ветка акации или*, скажем, *сирени*, цветет белыми цветами, пахнет креозотом, пылью тамбура, куревом, маячит вдоль полосы отчуждения, вечером на цыпочках возвращается в сад и вслушивается в движение электрических поездов, вздрагивает от шорохов, потом *цветы* закрываются и спят, уступая настояниям заботливой *птицы по имени Найтингейл*; [...] но *ветка спит*, сомкнув лепестки цветов, и поезда, спотыкаясь на стыках, ни за что не разбудят ее и не стряхнут ни капли росы – спи спи пропахшая креозотом *ветка* утром проснись и цветы потом *отцветай сыпь лепестками в глаза семафорам* и пританцовывая в такт своему деревянному сердцу смейся на станциях продавайся проезжим и отъезжающим плачь и кричи обнажаясь в зеркальных купе как твое имя *меня называют Веткой я Ветка акации я Ветка железной дороги я Вета беременная от ласковой птицы по имени Найтингейл я беременна будущим летом и крушением товарняка вот берите меня берите я все равно отцветаю это совсем недорого я на станции стою не больше рубля я продаюсь по билетам а хотите езжайте так бесплатно ревизора не будет он болен погодите я сама расстегну видите я вся белоснежна ну осыпьте меня совсем осыпьте же поцелуями никто не заметит лепестки на белом не видны а мне уж все надоело иногда я кажусь*

себе просто старухой которая всю жизнь идет по раскаленному паровозному шлаку по насыпи она вся старая страшная я не хочу быть старухой милый нет не хочу я знаю я скоро умру на рельсах я я мне больно мне будет больно отпустите когда умру отпустите эти колеса в мазуте ваши ладони в чем ваши ладони разве это перчатки я сказала неправду я *Вета чистая белая ветка цвету* не имеете права я обитаю в садах не кричите я не кричу это кричит встречный тра та та в чем дело тра та та что тра кто там та где там там там. *Вета ветла ветлы ветка* там за окном в доме том тра та том о ком о чем о *ветке ветлы о ветре* тарарам трамваи трамваи аи вечер добрый *билеты би леты чего нет Леты реки Леты* ее нету вам аи *цвета ц Вета ц Альфа Вета Гамма* и так далее <...>» (Соколов 2016: 18–20; курсив мой – М. N.).

Имя преподавательницы возбуждено звуками, ассонансами, звуковыми и семантическими ассоциациями. Самое имя, в конечном итоге, и становится продуктивным для продолжения звуковой ассоциации. Это характерно не только для данного случая. Все творчество Соколова как бы является воплощением дихотомии Соссюра между означающим и означаемым (*signifié – signifiant*). Семантические «гнезда» разрушаются: поле железной дороги (поезда, ветки, семафоры, билеты, т. д.) переплетается с полем природы (акация, сирень, птицы, цветы, т. д.), благодаря тому, что у порядка звуков «ветка» возбуждаются разные образы (это же омонимия, полисемия). Не только они переплетаются, а их слиянием порождено имя преподавательницы, Вета («как твое имя / меня называют Веткой / я Ветка акации / я Ветка железной дороги»). Дальше, узнав и ее фамилию (Акатова), снова звучит в памяти читателя реминисценция об уже упомянутой «акации».

Почти каждый персонаж появляется в повествовании таким образом, через ассоциацию образов или звуков (Freedman 1987: 267–268): это случай, например, появления почтальона Михеева и учителя Павла Норвегова.

«У Павлова был велосипед и академик много ездил на нем. Одна поездка тоже показана в учебнике. Павлов там уже старый, но бодрый. Он едет, наблюдает природу, а звонок на руле – как на опытах, точно такой же. Кроме того, у Павлова была длинная седая борода, как у Михеева, который жил, а возможно и теперь живет в нашем дачном поселке. Михеев и Павлов – они оба любили велосипед, но разница тут вот в чем: Павлов ездил на велосипеде ради удовольствия, отдыхал, а для Михеева велосипед всегда был работой, такая была у него работа: развозить корреспонденцию на велосипеде» (Соколов 2016: 14).

У вас в саду май, а деревья по-видимому совсем не окопаны, а яблочки, небось, кушать нравится, даже ветрогон Норвегов, заметят, – и тот с утра в палисаднике копается.» (Соколов 2016: 15)

Почтальон связан с образом велосипеда, на котором изображен академик Павлов в учебнике ученика; имя Норвегова представляется как бы анаграммой эпитета «ветрогон» (Johnson 1980: 223).

Все персонажи, таким образом, приобретают некий характер искусственности, нереальности, они как бы образы фантазии рассказчика. В самом деле, проблема «ученика такого-то» в романе, согласно доктору Заузе, лежит в том, что он «невероятный фантазер» (Соколов 2016: 65).

Часто у персонажей появляются и другие, альтернативные имена. Так у того же почтальона и Норвегова, например:

«О нем, о почтальоне Михееве, – а может его фамилия была, есть и будет Медведев? – нужно говорить особо, ему следует уделить несколько особого времени.» (Соколов 2016: 14)

«Ты должен, наконец, стать честным, как Павел, он же и Савл.» (Соколов 2016: 45)

Непрерывно автор намекает на многослойность реальности, на то, что наше восприятие мира только обманчиво убеждает нас, что мир единый, однородный, что мир действительно такой, каким мы его видим. Мир не знает логику, последовательность; мир знает парадоксальность, алогизм. Каким-то образом данное представление мира близко к представлению мира обэриутов, хотя у них был разный способ развития такой идеи. Для того, чтобы подчеркнуть еще больше такую относительность в восприятии реальности, герои-рассказчики текстов Саши Соколова всегда оказываются внутренне разделенными, у них нет единого голоса, ни единого характера. «Ученик такой-то» убежден в том, что он на самом деле не один мальчик, а два разных мальчика, и поэтому продолжает говорить с собой (или с другим мальчиком) на протяжении всего повествования:

«Кто-нибудь из нас – ты или я – обязательно это сделает. Впрочем, я думаю, ты лучше знаешь почтальона, поскольку жил на даче куда больше моего, хотя, если спросить соседей, они наверняка скажут, будто вопрос очень сложный и что разобраться тут почти невозможно. Мы, скажут соседи, не очень-то следили за вами – то есть за нами.» (Соколов 2016: 14)

Рассказчик *Палисандриш* не только двулик как ученик первого романа, а многолик: он вечен (его называют и Вашей Вечностью), жил во все эпохи и даже испытывал опыт половой универсальности (в конце концов он открывает свою природу гермафродита). При этом, «он» превращается в итоге в «оно», его имя Палисандр превращается в «Палисандро» (Соколов 1999: 323).

Все относительно в нашем восприятии мира. Это еще более относительно, когда надо стараться припомнить прошлое. Эта ключевая тема в романе *Между собакой и волком*, в котором то же самое центральное событие (смерть героя) перерассказано несколько раз, но всегда по-другому (Johnson 1984). И в этом романе бывают трудности с традиционной идентификацией персонажа: самое имя героя – Илья Петрикеич Дзындзырэла (Дзындзырэла, Зынзырелла, Джынжирела, Дзындзырэлла, т. д.) – появляется в повествовании в 9 разных версиях (Johnson 1984: 217). Кроме того, не только отчество и фамилия у него звучат достаточно вычурно, а фамилия, скорее всего, намекает на английский имя Золушки (Cinderella), как уже заметили Джонсон (Johnson 1984), Яблоков (1997) и Коровашко (2008). Отчество, в свою очередь, связано с народной сказкой о лисе Патрикеевной (Johnson 1984; Boguslawski 2017).

Все эти элементы в творчестве Саши Соколова подчеркивают некое ощущение хаоса восприятия, чувство непонятности, общей неопределенности. Читатель сбит с пути при установлении базовых координат: кто говорит и о чем идет речь? Когда и в какой реальности размещать действие? Есть ли, в конечном итоге, действие? Как говорит название романа, мы находимся «между собакой и волком», перед нами лежит проблема определения собаки и волка, мы потеряли связь с реальностью и находимся на территории сумерек.

Герои Саши Соколова живут в мире сумерек: сумерки – это всеобщий хронотоп его творчества. Этот час неясности, неопределенности не только служит темой или символом в повествованиях, но и является функциональной семиосферой (Лотман 1996), в который порождаются все значения, все семантические, образные и звуковые связи. Сумерки – это и прием осуществления остранения, и доминанта *проэзии*, как Соколов сам определяет собственный жанр.

Литература

- Attridge Derek (2004), *The Singularity of Literature*. London, Routledge.
- Boguslawski Alexander (2017), Annotations. In: *Between Dog & Wolf*. New York, Columbia University Press.
- Freedman John (1987), Memory, Imagination and the Liberating Force of Literature in Sasha Sokolov's "A School for Fools". *Canadian-American Slavic Studies*, 21/ 3–4, 265–278.
- Iser Wolfgang (1972), Der implizite Leser. *Kommunikationsformen des Romans von Bunyan bis Beckett*. München, Wilhelm Fink.
- Jauss Hans Robert (1977), *Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik*. München, Wilhelm Fink.
- Johnson Barton D. (1980), A Structural Analysis of Sasha Sokolov's "School for Fools": A Paradigmatic Novel. In: *Fiction and Drama in Eastern and Southeastern Europe: Evolution and Experiment in the Postwar Period*. Columbus, Slavica.
- Johnson Barton D. (1984), Sasha Sokolov's "Between Dog and Wolf" and the Modernist Tradition. In: *Russian Literature in Emigration: The Third Wave*, Ann Arbor, Ardis, 208–217.
- Коровашко Алексей (2008), Заговорная поэзия «Между собакой и волком». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского (Филология. Искусствоведение)*, 5, 273–277.
- Лотман Юрий (1996), *Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история*. Москва, Языки русской культуры.
- Соколов Саша (1999) [1985], *Палисандрия*, Санкт-Петербург, Симпозиум.
- Соколов Саша (2016) [1976], *Школа для дураков*, Москва, ОГИ.
- Яблоков Евгений (1997), «Нашел я начало дороги отсюда – туда» (О мотивной структуре романа Саши Соколова «Между собакой и волком»). In: *Литература третьей волны*, Самара, Изд-во Самарского университета, 202–214.